

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.12>

Саракуева Асият Мазировна

ОБРАЗ ХУДОЖНИКА В ПЬЕСЕ И. МАММЕЕВА "РАНЕННЫЙ ТУР"

В статье впервые в балкарском литературоведении предпринята попытка рассмотрения концепции образа художника; раскрыта сущность главного героя драмы К. Мечиева как национального духовного лидера, борца за справедливость; показана роль художника-творца, генератора идей гуманизма в преобразовании жизненных устоев и процессах трансформации самосознания народа. На примере столкновения героя с противоборствующими силами выявлены главные предпосылки создания образа знаковой личности, вбирающего в себя драматизм эпохи, исследованы аспекты, связанные с актуализацией проблемы личности в истории, личности в социуме.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/4-2/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(82). Ч. 2. С. 268-271. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.512.142.0

Дата поступления рукописи: 06.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.12>

В статье впервые в балкарском литературоведении предпринята попытка рассмотрения концепции образа художника; раскрыта сущность главного героя драмы К. Мечиева как национального духовного лидера, борца за справедливость; показана роль художника-творца, генератора идей гуманизма в преобразовании жизненных устоев и процессах трансформации самосознания народа. На примере столкновения героя с противоборствующими силами выявлены главные предпосылки создания образа знаковой личности, вбирающего в себя драматизм эпохи, исследованы аспекты, связанные с актуализацией проблемы личности в истории, личности в социуме.

Ключевые слова и фразы: Кязим Мечиев; драма; художник и власть; поэт и время; поэт и народ; поэт и антагонист.

Саракуева Асият Мазировна

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, г. Нальчик
sara.a70@mail.ru

ОБРАЗ ХУДОЖНИКА В ПЬЕСЕ И. МАММЕЕВА «РАНЕННЫЙ ТУР»

Тема творческой судьбы художника, его роли в жизни общества и истории – одна из вечных тем в мировой литературе. Не является в этом плане исключением и балкарская драматургия. Одним из первых к воплощению данной проблемы обратился драматург И. Маммеев (1919-2004). Имея опыт журналиста, публициста и поэта, проработав актером в Балкарском театре до последних дней, написав около двадцати пьес, он знал «муки творчества» не понаслышке, а «изнутри» – это была тема, пережитая им всей физической и творческой жизнью.

Драматург И. Маммеев, взяв за основу пьесы поэму К. Мечиева с одноименным названием «Раненый тур», создает сложный драматический образ, в котором воплощен узнаваемый облик реального исторического лица, наделенного и вымышленными чертами. «Раненый тур» стал важной вехой не только в творчестве И. Маммеева, но и в истории балкарской драматургии. Пьеса была тепло принята зрителями. Короткими рецензиями и обстоятельными статьями откликнулись многие критики и литературоведы. В работах А. Тепеева [6], Ф. Урусбиевой [7], А. Сарбашевой [5] рассматривалась образная система, особенности конструкции пьесы, отмечалась ее философское начало. Однако центральный образ, образ поэта Кязима, являющегося носителем основной идеи пьесы, до сих пор не стал объектом отдельного исследования литературоведов. Наша статья – первая попытка рассмотреть образ главного героя пьесы, певца, хажи (совершивший паломничество), философа, мудреца, художника Кязима Мечиева. Представляется целесообразным рассмотреть концепцию образа художника в пьесе И. Маммеева в наиболее значимых аспектах: «поэт и время», «поэт и народ», «художник и власть», «художник и антагонист».

К. Мечиев сравнивает свой народ с раненым туром, которого преследует хищный волк. Используя в драме историко-биографические факты и стихи самого поэта, драматург И. Маммеев изображает переломный момент в жизни героя и всего балкарского народа. В центре всех этих драматических коллизий стоит образ поэта Кязима Мечиева. Ему суждено было жить и творить в конце XIX – начале XX века. Великая Октябрьская революция, Гражданская война, приход советской власти в горные аулы, строительство колхозов, репрессии 30-х годов, Великая Отечественная война, депортация балкарского народа в 1944 г. в степи Средней Азии и Казахстана – все это видел, как сам писал, «бедный» и «хромой» Кязим.

Появление знаковой для балкарского народа фигуры изначально говорит о значимости проблематики драмы. Ф. Урусбиева справедливо отмечает: «В этом плане обращение драматурга Ибрагима Маммеева к фигуре Кязима Мечиева, монументально возвышающейся у истоков балкарского искусства, было закономерным. Личность поэта предоставляла драматургу достаточный простор для поисков и ответов на вечные проблемы, встающие перед художником: “поэт и время”, “поэт и история”» [7, с. 233].

Концептуальность, постановку серьезных историко-философских проблем в пьесе А. Сарбашева связывает с тем, что в центре «повествования – основоположник балкарской поэзии, гуманист и патриот К. Мечиев, который представлен собирательным образом передовой балкарской интеллигенции конца XIX в. – начала XX в.» [5, с. 148]. Трудно согласиться с мнением о «собирательности» образа Мечиева, потому что фигура его слишком масштабная и значительная. Более того, это реальное историческое лицо. Не углубляясь в полемику по этой проблеме, отметим, что исследователи балкарской драматургии, останавливаясь больше на философских умозаключениях поэта, не рассматривали сценический образ Кязима Мечиева как художника, человека, избранного Богом, волею судьбы становившегося лидером своего народа.

Образ Кязима Мечиева – народного поэта и певца, кузнеца, мудреца, «великого старца» (С. Липкин) и отца семейства – безусловная удача автора пьесы. Драматург показал его в развитии. Каждая последующая сцена раскрывает его образ глубже и полнее. В начале пьесы мы видим сельского кузнеца, слагающего стихи. Затем он вступает в открытую полемику с князем, спорит с эфенди, встает на защиту своих односельчан. Автор сумел показать Кязима сомневающегося, неприемлющего кровопролития, убитого горем отца.

Кязим, считающий жизнь человека божественным даром, видя братоубийственную войну, чувствует себя растерянным. Не так он представлял себе народное счастье, не через кровь. В начале третьего акта сцена с бывшим абреком, ныне революционером Ысхаком – важная для раскрытия образа Кязима. «Кровь льется, Ысхак! Вот этого я не могу понять. Раньше все было ясно: кто мучал народ, кто пил его кровь, как кровосос, тот и был его врагом. Теперь все запуталось, – сетует Кязим. – Бедный душил бедного, брат проливает кровь брата. Я за какого брата должен заступиться? Вот и мой сын собирает отряд. Правильно ли он поступает, не знаю. А сколько из них не вернутся, и будут плакать их жены, дети. Я никогда ребенка не обидел. Мои руки испачканы только углем, они никогда не были запачканы кровью. А мой сын идет проливать человеческую кровь» [2, с. 44-45] (здесь и далее подстрочные переводы автора статьи. – А. С.). Вчерашний абрек Ысхак, который приходил в кузню к Кязиму за советом и помощью, устраивает «ликбез» своему наставнику. И убеждает старика в правильности поступка его сына Магомета: свобода не приходит без крови.

Личность самого Кязима, глубокая интерпретация его судьбы автором пьесы через драматические революционные события раскрывают нам философские проблемы «поэт и время», «поэт и история», пропускающего все через себя, через свою жизнь.

И. Маммеев, вспоминая о работе над драмой, отмечает, что написание пьесы о знаменитом человеке – трудная задача [1, с. 55-65]. Автор, следуя биографическим, историческим событиям, не мог позволить себе использовать вымышленные факты, т.к. еще были живы родственники поэта, односельчане, многие люди, знавшие его близко. Драматурга выручило творчество самого Кязима. Стихи и поэмы Мечиева тесно переплетены с его жизнью. Маммееву оставалось придумать обстоятельства, фон, атмосферу стихам, вошедшим в драму. Стиль пьесы и ее язык приближен к языку самого Кязима.

При анализе образа Кязима в пьесе нужно иметь в виду социально-политическую обстановку в 60-х годах XX века. Власти не сильно жаловали религию, ее служителей, потому И. Маммееву не просто было показать «на сцене религиозного деятеля как крупную личность, чтобы не было нареканий ни со стороны зрителя, ни со стороны партии». С другой стороны, драматургу важно было внятно сказать, кто такой Кязим. Он религиозный деятель или нет? Иначе говоря, он из красных или из белых? В этом была главная задача, – не без юмора вспоминал потом автор. Дальше он писал: «Кязим никогда не отрекался от религии. Также принимал добрые дела Советской власти. От кого исходили злые решения, он тоже понимал. Надо было найти выход, чтобы показать все это» [Там же, с. 59-60].

Автор широко использует в драме «Раненый тур» стихи поэта. Описывая сцену с молодыми девушками, с женщинами, обиженными слугами князя, строя диалог или конфликт с эфенди, включает несколько строк, а то одно или два четверостишия Мечиева. Прием не новый в драматургии, но эмоционально сильный. С детства знакомые слова наполняются новым смыслом, и герои вдруг оживают и начинают говорить. Через них драматург передает эмоциональное, психологическое состояние поэта, мгновенную способность реагировать на чужую боль. Читатель и зритель становятся свидетелями священнодействия – рождения очередного бессмертного стиха поэта. Порою кажется, что четверостишия поэта в драме избыточны, но они оправданы по действию, по внутреннему накалу героя пьесы.

Одним только конфликтом, возникшим из-за воды между жителями двух балкарских сел – Бызынги и Холам, И. Маммеев сумел показать прозрение народа и роль в этом Кязима. Главный герой представлен в пьесе не всеведущим лидером, с готовыми ответами на все вопросы: как поступить и что говорить в сложной ситуации. Вспоминаются слова самого И. Маммеева о К. Мечиеве из его интервью: «Что за удивительный был человек! Глянешь, вроде неприметный старичок, сильно хромал. А когда поговоришь, то он словно вырастал, настолько богатым был его внутренний духовный мир» [8].

Умудренный опытом пережитых лет, страданий и бед, Кязим, боясь, что столкновение между жителями соседних сел перерастет в кровопролитие, один идет к враждующим и останавливает их. Драматург не делает из хромого старца героя. Он один из них, такой же бедный, но мудрый. Идя на встречу с ними, Кязим волнуется, сомневается, найдет ли правильные слова, чтобы объяснить им бессмысленность их действий, достучаться до их сердец. И находит. Находит самые простые слова: «Я там вижу Сулемена. Сулемен, ты почему здесь? Хочешь убить своего племянника, сына родной сестры? Мусабий, а ты дядю хочешь убить, брата матери? Вы посмотрите, сколько вас таких? Братья мои, постыдное это дело. Вы, жители двух соседних сел, давно породнились между собой. Всегда, в горе и в радости, бываете вместе. А сегодня вы здесь выступаете врагами. Ради чего?...» [2, с. 39].

Драматург очень точно передает, как почувствовал хажи настроение, царящее в народе, как сумел нащупать в душах людей не разъединяющее, а объединяющее начало. Кязим в своей речи делает акцент на патриархально-родовые отношения, которым следовали многие поколения балкарцев, которые являлись спасительными в трудных горных условиях. Он призывает людей не быть оружием в разрешении «княжеской проблемы». Народ постепенно прозревает. «Если кто-то настолько объелся, что кровью харкает, почему мы должны враждовать?» – говорит один из них. После речи Кязима сельчане понимают, что виновником многих их страданий является князь со своими приспешниками, и люди направляют свой гнев в их сторону.

Главным источником конфликтного напряжения в драме «Раненый тур» являются отношения Кязима и князя (художника и власти), Кязима и эфенди (художника и его антагониста). Князь отобрал у сельчан воду и тем самым спровоцировал конфликт, для него это возможность показать свое превосходство, власть над подданными и повод поквитаться с князем соседнего села. Он уверен, что сельчане придут к нему с поклоном и жизнь потечет как прежде. Но как прежде уже не будет. Потому что народ услышал правду от самого хажи, который побывал на земле обетованной, и, как оказалось, там также несправедливо устроена

жизнь: бедный народ прогибает спину за гроши, незнакомцы обкрадывают паломников, по обе стороны дороги сидят попрошайки с протянутыми руками... Их правители также далеки от чаяний своего народа.

В драме трижды лицом к лицу встречаются Кязим и князь. И каждый раз конфликт набирает обороты. Кязим говорит с князем открыто от имени сельчан, пытается усостыжить его, предостеречь от губельных для него самых действий. Князь свысока отвечает ему: «Я не споткнусь – не хромым». Тем самым желает задеть за больное место, указывая на врожденную хромоту старца. «Больной на голову быстрее споткнется, чем хромым», – отвечает Кязим [Там же, с. 16].

В последней главе поэмы «Раненый тур» Мечиев открыто говорит о своей «войне». Он ясно понимал – звание народного певца и сан хаджи сохраняли ему жизнь:

«Посла не казнят», – есть присловье.
Народ меня сделал послом,
Чтоб нищее наше сословье
Своим защищал я стихом.
Не смеют князья меня трогать:
Из Мекки пришел я с чалмой!
Но вражеский чувствую коготь,
Мне смертью грозят и тюрьмой [4, с. 151].

Князь в пьесе больше не в силах удерживать народ в повиновении и виной тому считает Кязима, чьи правдивые стихи и песни, призывающие к социальной справедливости, изменили сознание сельчан. Князь приходит к нему в кузницу с требованием, чтобы тот оставил сочинение песен. Получив отказ, грозит выстрелить в хаджи, но у него не хватает духа. Оправдывая свой страх, князь сошлется на нежелание совершить грех: «Как я предстану перед Аллахом, если убью тебя?». Но в то же время он не откажется от попытки чужими руками избавиться от Кязима.

В вышеприведенных сценах Кязим представлен не просто поэтом, мудрецом, но духовным лидером, художником, ответственным перед своим народом. Он выходит на поле битвы не с оружием, его оружие – слово, правдивое, нужное, вовремя сказанное. Хромым старик не опускает перед князем голову, не идет против своих убеждений, а, как стойкий солдат, идет до конца с односельчанами. Он не был официально избран ими лидером, не получал за свои просветительские речи и песни вознаграждения, мудрый хаджи выполнял свою миссию, чувствуя ответственность за народ, за его будущее. Видя, что князья и религиозные служители не заинтересованы дать знания сельчанам, поэт Кязим, беспокоящийся о духовном просветлении народа, берет эту сложную задачу на себя.

Новаторство в пьесе И. Маммеева проявилось и в изображении антагонистов художника, в частности образа эфенди. В традициях предшествующей балкарской литературы религиозный служитель, как правило, показан схематично – правой рукой бия, хитрым и невежественным стариком и бабником. Отмечая новизну взгляда Маммеева на образ эфенди в драме «Раненый тур», А. Теппеев справедливо замечает: «...каким представлялся образ защитника ислама эфенди в балкарском фольклоре, таким же перешел в драматургию. Во всех пьесах он является отрицательным героем, сторонником сил подавления народа в революционной борьбе» [6, с. 276].

В драме «Раненый тур» эфенди изображен неоднозначно, он довольно умен, разбирается в политической ситуации и пытается повернуть ее в свою пользу. При возникшем конфликте между соседними аулами он также не остается безучастным к судьбам односельчан и приходит к князю с просьбой разрешить проблему. Но тот убеждает его не вмешиваться. Эфенди уходит, напомнив правителю села, что в случае кровопролития именно тот будет держать ответ перед Аллахом.

Эфенди, уповающий на Создателя, призывает не роптать на судьбу, а смиренно принять Его предписания. Постепенное отступничество от религии обернется наказанием, считает он. Но разговаривать с разгневанным народом, как Кязим, эфенди не решается. Он уважает сан хаджи, и Кязим относится к нему как к равному. Трения между ними возникают на почве религии и в понимании предназначенности служителя Бога. Как и князь, эфенди обеспокоен происходящим брожением умов односельчан, он чувствует, что его речи на праздничных молитвах уже не принимаются безоговорочно, понимает, что сомнение и недоверие проникли в их души. Причину в этом он тоже видит в вольнодумных стихах Кязима:

Глаза араба, горца ли глаза –
В них горечи безвыходной слеза.
Печаль – повсюду, где ни прохожу.
В лицо всем нищим с болью я гляжу [4, с. 106].

Эфенди не спорит с хаджи о правдивости этих слов, он только просит его не говорить о несправедливостях на земле обетованной. Эфенди уверен, что только таким путем можно вернуть селу прежнее спокойствие, а душам односельчан – веру. Кязим после двух совершенных паломничеств на святую для мусульман землю ответит, что не привык лгать.

Следующий их разговор примет политический характер. После этого они будут по разные стороны баррикад: эфенди – за меньшевиков, Кязим – за большевиков. Лишь позднее поймет Мечиев их роковые ошибки.

А. Теппеев, касаясь конфликта между двумя духовными служителями в драме «Раненый тур», пишет: «Спор Кязима с эфенди – это два разных взгляда на религию. Для Кязима религия – первый помощник в жизни, поборник справедливости... А для эфенди она – оружие в запугивании, в подчинении. В борьбе все средства хороши, считает эфенди» [6, с. 278].

В третьем действии драмы в сцене между Кязимом и Ысхаком упоминается третий духовный служитель из соседнего ущелья Хасан-эфенди, которого казнили кадеты. Он также встал на защиту односельчан, но сан эфенди не спас его. И Казим, услышав о таком зверстве, не может поверить в это: «Казнили эфенди, служителя религии... человека-священнослужителя!..» [2, с. 46]. Оказалось, есть еще и третий путь – на эшафот за свой народ.

Таким образом, балкарский драматург И. Маммеев создал образ художника, наделив его биографическими чертами Кязима Мечиева, используя его поэтические тексты. Автор сумел раскрыть многогранный образ поэта, проявляющийся в главных аспектах: «поэт и время», «поэт и народ», «художник и власть», «художник и антагонист». Через судьбу художника прослеживается «судьба народная», утверждается роль национально-го лидера в формировании идей справедливости и гуманизма, актуализируется проблема личности в истории.

Список источников

1. Маммеев И. Ш. Балкарский театр / на балк. яз. Нальчик: Эльбрус, 2005. 200 с.
2. Маммеев И. Ш. Раненый тур: пьесы / на балк. яз. Нальчик: Эльбрус, 1987. 200 с.
3. Мечиев К. Б. Избранное: в 2-х т. / сост. А. М. Теппеев; на балк. яз. Нальчик: Эльбрус, 1989. Т. 1. 416 с.; Т. 2. 322 с.
4. Мечиев К. Б. Разум и голос: стихотворения и поэмы / сост. А. Бегиев; вступ. ст. К. Кулиева; пер. С. Липкина и Г. Яропольского. Нальчик: Эльбрус, 2009. 240 с.
5. Сарбашева А. М. Балкарская драматургия: этнофольклорная традиция и эволюция жанра. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. 240 с.
6. Теппеев А. М. Драматургия // Очерки истории балкарской литературы / под ред. А. Ю. Бозиева; на балк. яз. Нальчик: Эльбрус, 1978. С. 259-282.
7. Урусбиева Ф. А. Драматургия // Очерки истории балкарской литературы / отв. ред. С. У. Алиева. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 229-242.
8. Черемисина Н. Б. Это повседневно и навсегда // Кабардино-Балкарская правда. 1993. 23 сентября.

ARTIST'S IMAGE IN THE PLAY "WOUNDED AUROCH" BY I. MAMMEEV

Sarakueva Asiyat Mazirovna

*Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik
sara.a70@mail.ru*

For the first time in the Balkarian literary criticism the paper examines the conception of artist's image, discovers the essence of the main personage of K. Mechiev's drama as a national spiritual leader, a struggler for justice; the paper shows the role of an artist-creator, a generator of humanistic ideas in the process of transforming customs and morals and national self-consciousness. After analyzing hero's confrontation with the opponents the researcher identifies the basic backgrounds for creating remarkable personality's image, which accumulates the dramatic nature of an epoch. The study focuses on the aspects associated with the actualization of the problem of a personality in the history, an individual in the society.

Key words and phrases: Kyazim Mechiev; drama; artist and power; poet and epoch; poet and people; poet and antagonist.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 14.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.13>

В статье рассматривается философско-художественная рецепция образа маятника в творчестве Н. С. Гумилева. В связи с этим исследуются поэтические и теоретические произведения автора, посвященные проблеме времени. Выявляются тесные переклички поэзии Гумилева с философией А. Бергсона. Впервые определяется значение образа маятника в моделировании поэтического мира Н. С. Гумилева и осмыслении поэтом проблемы человека как Homo faber. Подробно анализируется научное, философское и художественное происхождение образа маятника, семантическая эволюция этого образа в мифопоэтической трактовке человека. Делается вывод о том, что отклонения маятника стали причиной эволюционного начала в человеке, но одновременно – грозным предупреждением о конечности человека.

Ключевые слова и фразы: Н. С. Гумилев; А. Бергсон; маятник; метаобраз; житнетворчество; Homo faber.

Сафиулина Рано Мирзахановна, к. филол. н., доцент

*Московский промышленно-финансовый университет «Синергия»
rapovi@yandex.ru*

ОБРАЗ МАЯТНИКА В ПОЭЗИИ Н. С. ГУМИЛЕВА

Н. С. Гумилев отразил в своём творчестве глобальный кризис человека, характерный для эпохи конца XIX – XX в. Крушение абсолютных ценностей (в том числе и религиозных) привело к зарождению новых человеческих идеалов и общественных ориентиров и, в свою очередь, возникновению целого ряда новых наук, направленных на изучение этих изменений и в первую очередь – на изучение человека. После тысячелетнего поклонения богам, затем – преклонения перед природой человек вернулся к самому себе и понял, что самым неизученным явлением в мире является он сам.